

Хелен Кир

ИЗМЕНА

Мы выбрал не меня

УДК 82-3
ББК 84
К43

К43   **Кир Х.**
Измена. Ты выбрал не меня / Хелен Кир – М.: Литнет, 2025. – 278 с.

ISBN 978-5-521-93515-4

- Ты могла ей помочь! – крик бывшего режет уши. – Ты же лучший акушер!
- Я не Бог, Демидов. - Ты-ы-ы! – его лицо перекашивает от ярости. – Отомстила? Да?! ____ В злосчастный день я не в силах спасти женщину, травмы которой не совместимы с жизнью. Она гибнет вместе с неродившимся ребенком. Разъяренный муж рвется свести счеты. С ужасом узнаю в нем своего бывшего, который в свое время безжалостно отправил меня на аборт, а потом ушел к другой. И теперь мне предстоит бежать от гнева человека, которого любила больше жизни.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93515-4

© Литнет, 2025
© Х. Кир, 2025

1

— Левицкая, успокойся, — голос Ольги давит на перепонки. — Ты сделала все, что могла. Ты не Бог! Отслойка огромной площади. Гипоксия была неизбежна. Судя по карте, у нее проблем с беременностью куча была. Хватит казнить себя.

Вытираю сопли, но в глаза посмотреть Ольге не могу. Ну почему я не смогла? Ведь сложнее случаи были. Что за день сегодня уродский!

— Сейчас воды принесу. Сиди здесь в подсобке и не высовывайся. Не хватало, чтобы твою истерику сотрудники видели. Тоже мне. Несгибаемая леди, а на деле простая рефлексивная идиотка. Сопли утри!

Как только закрывается дверь, содрогаюсь от рыданий. С некоторых пор у меня есть причина горевать, когда деток не удастся спасти. Но я борюсь с собой. Не зря на психолога кучу денег трачу. Вот только сегодня прокололась и заплакала.

Истерзанная аварией пациентка скончалась на операционном столе. Травмы не совместимые с жизнью. До нас довезли просто чудом, а здесь я ее потеряла.

— Успокоилась?

Киваю. Беру воду и судорожно делаю первый глоток.

— Все. Все нормально.

— Вот что, дорогая. Это был первый и последний раз. Тебя из Москвы прислали с лучшими рекомендациями, так

что соответствуй. Поняла? — строгие слова приводят в чувство. — Меня не волнует, что там у тебя произошло, плевать. Здесь я желаю видеть лучшую из лучших. Ты ученица Горицкого. Го-риц-ко-го! Вспоминай. Еще один фортель и не обижайся. И да, Левицкая, пациенты умирают. И она не последняя. Научись относиться к этому нормально. Даю десять минут и бегом в ординаторскую.

Умываюсь ледяной водой долго, мешки под глазами зверские. В ординаторской никого. Наливаю чашку чая и сажусь на диванчик, поджимая ноги. Ольга права. К сожалению, да. Мне нужно взять себя в руки, если я планирую быть хорошим акушером.

— Елена Алексеевна, — регистратор Марина белее снега. — Там муж вашей умершей пациентки приехал. Орет, как ненормальный. Вы выйдете? Он требует. Только скорее, сейчас все разнесет в пух и прах.

Конечно же пойду.

От неистового надвигающегося ора закладывает уши. Понимаю, что это единственный выход эмоций и стараюсь не реагировать. Говорить о смерти всегда сложно, но это моя работа. Одергиваю форму, решительно прибавляю шаг.

Под звон битого стекла вхожу в фойе. Огромный мужчина в ярости раскидывает охрану. Волосы на затылке всклокоченные дыбом стоят.

— Где врач? — ревет он.

А я невольно останавливаюсь. Не может быть. Просто не может. За что мне все это?

Зарекалась забыть этот голос. Проклинала себя, что не удастся похоронить воспоминание в закоулках памяти. Мучилась, страдала, по ночам просыпалась от ужаса. Едва себя до срыва не довела.

Дрожу и молюсь, чтобы все оказалось неправдой.

— Успокойтесь, Станислав Николаевич, — Ольга стремительно влетает в толпу охранников, пытающихся скрутить скандалиста, а я все еще гоню от себя страшную мысль, что это тот, о ком я думаю. — Отойдите, — машет секьюрити, — вон! Демидов, выслушайте.

Он. Все же он. Злая судьба решила добить меня. Черт побери! Провались все пропадом.

— Вы угробили мою жену! — крик разрывает перепонки.

— Травмы несовместимые с жизнью, — подхожу ближе и обхожу его так, чтобы видеть.

Передо мной стоит тот, кто выбросил меня на помойку. Разрушил жизнь и растоптал навеки. Мой бывший возлюбленный, мой палач. Мой личный кошмар двухлетней давности, мой смертельный триггер.

Демидов Станислав. Владелец крупнейшей фирмы в России по медицинскому оборудованию.

Он настолько стремительно поворачивается, что Ольга отлетает к стене. Устремив на меня яростный взгляд, будто спотыкается. Секунда и ядерный взрыв в зрачках. Там все: ненависть, неверие, буря.

А передо мной снова воскресают события из далекого прошлого и причиняют нестерпимую боль.

За меня Демидов так не боролся и не переживал.

Когда меня силой отправлял на прерывание, не заботился. Просто поставил перед фактом, что не намерен иметь детей. Никогда. Предложил выбрать, ребенок или он, а позже и вовсе привел в клинику за руку. Аборт и никакого раздумья. Потом лучше не вспоминать. Другая женщина заменила меня со скоростью ветра. Если не ошибаюсь прямо на следующий день.

— Так это ты убила ее? Что ты здесь... Твою мать! — с силой смахивает карты со стойки. Какого черта! — высекает с ненавистью, — Ты могла ей помочь! Ты! Могла! — крик бывшего режет уши. — Ты же лучший акушер!

Знает. Он все обо мне знает.

— Я не Бог, Демидов.

— Ты-ы-ы! — его лицо перекашивает от ярости. — Отомстила? Да?!

— Не смейте голословно обвинять, Станислав Николаевич. Ваша жена попала в автомобильную аварию. Произошла мощная отслойка, ребенок не выжил в утробе матери. Мы сделали все, что возможно, но тут не работают всесильные. Прошу меня извинить.

На подкашивающихся ногах разворачиваюсь и под удивленные взгляды сотрудников шагаю в ординаторскую. Тяжелый топот оглушает. Крепкие пальцы впиваются в плечо, еще немного и упаду. Демидов с силой разворачивает меня, злобно шипит.

— Я узнаю очень скоро. Не представляешь насколько скоро. Мне труда не составит. Если это ты, то молись. Сгною в тюрьме.

— Я не знала, что она твоя жена. Но даже если бы и знала, — захлебываюсь от нахлынувших чувств, — не смогла бы выглоттить. А теперь позволь мне уйти.

Он брезгливо отстраняется.

Нарочито вытирает руки и хамски отталкивает, показывая, чтобы я убиралась с глаз.

Ухожу не потому, что он так хочет, я просто уже не в силах держаться.

2

— Лен, быстрее, — навстречу летит сменщица Марины. — Там у заведующей гром и молния. Вот, глотни.

Бессонная ночь немного тормозит восприятие действительности. Меня сильно подорвала смерть пациентки и встреча с Демидовым. Не то, чтобы я потеряла опору под ногами. Я врач и все понимаю, что никто не застрахован от страшного, но тем не менее. Потеря всегда ужасна. И каждый переживает страшно свое горе, а такие, как я, когда вроде бы все в твоих руках, но вдруг в один момент становишься абсолютно бессильной. Это... это тяжело.

— Где гром? — принимаю стакан и принохиваюсь.
Валерьянка?

— У заведующей! — шепчет Валя. — Демидов пришел. Требуется провести чуть ли не расследование. Требуется, чтобы тебя уволили.

— Даже так? — отдаю Валечке нетронутый напиток, в который она свято верит. — Ты иди, я быстро сейчас переоденусь и выйду работать.

Что мне стоит держаться, известно лишь богу. Колотить начинает со страшной силой, но не от страха. Трясущимися руками достаю форму и задерживаю занавеску. Перед глазами туман.

За что Демидов так со мной?

Я понимаю. Ему сейчас все равно кого отдавать под суд, человеческий или народный, не важно. Основная цель выместить свое горе. Я понимаю.

Я понимаю. Понимаю...

Но какого черта!

Приглаживаю волосы, затягиваю в тугий хвост. Невидяще смотрю на себя в зеркало. И самое невыносимое, что привычно веду руками по тощему впалому животу. Знакомо охватывает тянущая боль. Она выжирает изнутри, просто съедает. Мои шансы стать матерью минимальны теперь.

За что он поволок меня на аборт так и не поняла. Почему вдруг решил, что нам больше не по пути тоже. В одночасье завершилась наша счастливая жизнь. И как мне себя вести, когда теперь я вижу Стаса, где он отчаянно слепо борется за своего нерожденного ребенка! Он жаждет мести. Справедливости?

А с чем осталась я?

С мизерной надеждой на материнство? По сути той самой надежды практически нет.

Я все сделала правильно. Пыталась реанимировать ее до конца. На моем счету блестящие операции, за которые мало кто брался. Моя совесть чиста. Даже если бы я знала, что оперирую женщину Демидова, все равно пыталась бы до последнего. В операционной не место для сведения счетов. Да и какие счета у нас с ней могут быть, господи? О чем речь.

Не дам больше погубить свою жизнь. Стас достаточно попортил мне крови.

Еще раз приглаживаю волосы и с разительной переменой в настроении направляюсь в кабинет Ольги, не дожидаясь, пока меня вызовут на ковер.

— Доброе утро, — сухо киваю, — разрешите?

Демидов тяжелой глыбой возвышается в кресле. Он мрачен и судя по горящим лихорадочным блеском глазам будет воевать со мной до последнего. Я буквально кожей ощущаю его ненависть. Он пылает ей, как заклинивший фейерверк.

Напротив него сидит всклокоченная Ольга и как бы она не пыталась сохранить хладнокровие, видно, как она нервничает.

— Входите. Станислав Николаевич, я Вас уверяю...

Стас нетерпеливо щелкает пальцами. В какой-то момент мне кажется, что он перемахнет через стол и бросится меня душировать или трясти, но он лишь отрывисто бросает.

— Вы не могли бы нас оставить наедине? — затыкает рот настолько наглым образом, что у Ольги лицо вытягивается.

— Что?

— Непонятно говорю? Хорошо, повторю по слогам. Выйди отсюда! Немедленно!

— Что Вы себе позволяете? — вспыхивает моя начальница, а я прихожу в ужас. — В моем кабинете...

— Считаю до двух, иначе Вы выйдете не только из кабинета, но и из центра. Раз!

— Я этого так не оставлю, — бормочет Ольга и зло отстукивая каблуками, громко хлопает дверью.

В абсолютной тишине раздаётся скрип зубов. Он непрерывно смотрит на меня и мерно двигает челюстью.

Я помню, что это значит. Я знаю.

Под его рукой сжимается лист бумаги. И как только он превращается в крохотный шарик, об поверхность Стас ударяет с мощной силой. Вскakiвает и стремительно приближается.

— Давай, Левицкая, — склоняется ниже, — расскажи, как ты просмотрела их. Как у тебя совести хватило прийти на работу? Где твоё заявление об уходе?

— Серьёзно? — несмотря на страх, мне удастся взять себя в руки. — Почему я должна прекратить практику?

— Я тебя размажу. Поняла? Тебя даже санитаркой не возьмут. Ты обязана была спасти моего ребенка!

Больно.

Хлещет прямо по сердцу яд, растекается по венам. Будто получаю ранение смертельным тараном, который бьет в грудь и выносит со спины все: легкие, желудок, гортань. Воздух внезапно заканчивается. Мучительно задыхаюсь, терпеть становится невыносимо.

— Замолчи! Заткнись! Кому ты это говоришь, Стас? Мне? А кто моего ребенка позволил сохранить? Кто я тебя спрашиваю? Ты заставил меня выдрать его из себя. Не дал ни единого шанса на рождение. Ты! И теперь в чем пытаешься обвинить? Ту, что выбросил из своей жизни, несмотря на то что собирались пожениться. Ту, от которой на следующий день смотался в другую постель? У тебя совесть есть хоть какая?